

живания её истинного смысла, конституируемого как бы “заново” в настоящем времени. Постулат об абсолютной духовной и экзистенциальной значимости переживаний смысла исторического события указывает на специфику понимания исторической памяти как личностной и общественной формы *полагания* смысла истории. Можно сказать, что феноменология в качестве абсолютно-значимого смысла центрирует духовные интенции личности и социума, обуславливает жизненность сознания субъекта исторической памяти. Целью такого полагания-конституирования является, по выражению известного феноменолога А. Шютца, мир, светящийся смыслом.

Список литературы:

1. Агамбен, Дж. Ното Sacer. Что остаётся после Освенцима: архив и свидетель / Дж. Агамбен. – М.: Европа, 2012. – 192 с.
2. Визель, Э. Следующее поколение / Э. Визель. – М.: Текст, 2001. – 191 с.
3. Молитва // Вестник Европы. – Т. XV. – 2005.
4. Померанц, Г.С. Живые и мёртвые идеи / Г.С. Померанц // Погружение в трясину (Анатомия застоя); сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. – М.: Прогресс, 1991. – С. 311–345.

Мацевич М.Я, Валеитенок В.В.
«ЧУДО» КАК АРГУМЕНТ ВЛАСТИ

Ключевые слова: «чудо», реальность, позитивизм, постпозитивизм.

Тезисы представляют собой критический обзор понимания, обсуждения «чуда» современной гуманитаристикой. В самом прямом смысле чудо – необычное, неожиданное, наблюдаемое событие, вызванное прямым божественным вмешательством. Основное внимание в этом исследовании уделяется ключевым концептуальным, эпистемологическим и теологическим вопросам, продолжающим подниматься посредством заданного определения чудесного. Поскольку заявленная тема представляет для ученых как экзистенциальный, так и теоретический интерес, нет никаких оснований полагать, что концепция чуда не будет продолжать являть постоянный интерес и для философов.

В философии чудес есть два главных вопроса: метафизический, гносеологический. Метафизический вопрос – вопрос о свершении чуда; эпистемологический – вопрос об оправдании чуда. И тот и другой предполагают ответ на третий вопрос, а именно, на вопрос о том, какого рода события или явления считаются чудесами. Философы, желающие доказать рациональность веры в Бога, часто также используют стратегию «Бог из машины». Основываясь на аргументах теологии и философии науки, чудо может быть определено как: 1) реальное, индивидуальное событие, возникновение которого должно быть (или должно было быть) в принципе поддающимся эмпирической проверке; 2) событие, должное быть чрезвычайно необычным или исторически беспрецедентным с точки зрения эмпирического научного зна-

ния; 3) нечто, вызывающее всеобщее удивление; 4) что-то свободно данное Богом, а не вызванное; 5) некий особый знак от Бога, который превосходит голые факты случая и передает духовное послание; 6) явление, феномен, подтвержденные как чудо сообществом верующих, к которым послание чуда должно быть обращено, по крайней мере, косвенно.

Исходя из вышеизложенного, актуален вопрос о месте чуда в белорусской действительности. «Накопленный опыт теоретико-методологического познания морали (нравственности), ее конкретного выражения в представлениях о добре и зле, долге, справедливости, ответственности, чести и достоинстве, ее реального воплощения в поступках и жизненной позиции людей, взаимоотношениях между различными социальными субъектами убедительно свидетельствует о значимости конкретно-исторического подхода. Важный пласт этических исследований непосредственно связан с процессом этногенеза и формирования национального самосознания, а также с личностным развитием человека в духовной жизни белорусского народа» [2, с. 227]. Возможно, на наши политические убеждения влияют наши парадигматические убеждения. Современные политические реалии не позволяют нам должным образом проверить эту возможность. Политические психологи считают, что политические убеждения являются отражением глубоких мотивационных предпочтений, комплексов и фобий. Связь между парадигмами и идеологией для позитивистов была гораздо слабее, нежели для современных белорусских философов. «Данному государственному образованию присущи все признаки независимой государственности, то есть юридически оно обладает всей полнотой политической власти. Но в практической жизни и государство, и общество столкнулись с множеством проблем, решение которых выходит за рамки политико-правовой сферы, и прежде всего это проблемы духовно-нравственного характера» [2, с. 237].

Избиение четырнадцати тысяч еврейских младенцев из-за маниакальной подозрительности в том, что среди них есть Мессия-Царь, который отберет у Ирода трон, эксплицирует двойную природу чуда Рождества: великую радость и великую покаянную скорбь. Христос не удостоил Ирода ни одним ответом. Все кончилось тривиально: уничивив Его и насмеявшись над Ним, правитель отослал Иисуса обратно к Пилату. Знаменитый Проповедник и Учитель оказался, на взгляд Ирода, неубедительным и скучным. Формально Ирод в казни Христа не участвовал, он как бы ни при чем. Но возможность поучаствовать в решении Его участи у правителя, безусловно, была. Просто он ею не воспользовался. Пройдет всего несколько лет, и Ирод Антипа лишится трона по доносу собственного племянника, Ирода Агриппы [3]. Как отмечалось профессором Винокурой С.П., ведущим белорусским философом и социологом: «Открытый диалог, обмен идеями объединит усилия тех, кому дороги духовная культура, гуманистические традиции, мир и благо всего человечества. При этом для

личности базовыми ценностями культуры остаются личная ответственность и безусловный приоритет разума» [1, с. 8].

Принимая критику постпозитивистов в том, что социальная наука и естествознание – не одно и то же, хочется отдельно подчеркнуть, что объективность, тем не менее, является тем, к чему мы должны стремиться. Тех же, кто жаждет ценностной нейтральности в своей работе, следует, по крайней мере, предостеречь себя самосознанием наших предубеждений. Когда мы вступаем в те или иные академические сообщества, не следует реализовывать ресурсы власти, исходя из наших парадигм, комплексов, фобий и страхов.

Евангелие от Матфея раскрывает скрытый конфликт и борьбу за власть. В исследованиях Матфея эта борьба традиционно приписывалась напряженным иудейско-христианским отношениям первого века. Однако эта атрибуция слишком ограничена. Матфей также представляет контраргументы против римских имперских держав. Они включают в себя Ирода (Мф. 2) и Антипу (Мф. 14) как римских союзников (Мф. 17), Цезарь (Мф. 22) косвенно упоминаются в связи с римскими налогами, а Пилат непосредственно, лично (Мф. 27). Евангелие от Матфея оспаривает и сопротивляется притязаниям этих сил на господство. Основой римской имперской теологии было утверждение: Рим правит силой своей империи, потому что Боги пожелали, чтобы Рим правил миром. Правители Римской империи были избранными агентами Богов, особенно Юпитера, с задачей проявления власти, присутствия, воли и благословений богов в Империи. Матфей же предвосхищает альтернативную общину с приходом Царства Божьего, с его властью над всеми существующими силами.

Читая Евангелие от Матфея, следует также помнить об опыте римского владычества со стороны авторской аудитории. Матфей обращается к их беспокойству, иронически рассказывая о встречах с тремя представителями Римской империи. Он уверяет своих слушателей, что Бог осуществляет суверенное правление над всем творением. Его Царство еще не полностью признано, и нынешнее общество, таким образом, не упорядочено в соответствии с Божьими целями. Вот почему их мир ужасно несправедлив. Матфей представляет в качестве контраргумента теологический вызов, оспаривая мировоззрение, утверждавшее, что мир принадлежит Риму и его империи. Иисус является агентом Божьего правления. Он демонстрирует грядущее Царство Божье. Он свидетельствует о Божьем владычестве и предвосхищает его окончательное установление над всеми. Евангелие учит альтернативному пониманию мира. Последователи Иисуса живут в имперском мире, который распял Его. На поверхностном уровне Царство Божье уменьшилось, но это не отражает истинной реальности. Матфей отражает пустоту агентов Римской империи, противопоставляя их власти Иисуса, Сына Божьего. Когда они сталкиваются с его авторитетом, их влияние оказывается ничтожным. Приходит нечто большее, чем то, что может видеть

естественный глаз, «чудо». Матфей предвосхищает грядущее торжество Царства Божия над всем сущим.

Список литературы:

1. Винокурова, С.П. Социальные факторы формирования культуры личности в условиях современного общества [Электронный ресурс] / С.П. Винокурова. – 2014. – Режим доступа: <http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/4327/SOCIAL%27NYIE%20FAKTORYI%20FORMIROVANIYA%20KUL%27TURYI%20LICHNOSTI.pdf?sequence=3&isAllowed=y>. – Дата доступа: 23.02.2021.

2. Павловская, О.А. Национальное этическое знание в контексте социально-исторического развития Беларуси / О.А. Павловская, А.С. Лаптенко, С.В. Винокурова, Н.А. Степаненко // Философские исследования. – Беларуская навука. – 2017. – Вып. 4. – С. 226–246.

3. Цуканов, И. Царь Ирод Антипа: в погоне за впечатлениями / И. Цуканов [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://foma.ru/tsar-irod-antipa-v-pogone-za-vpечatleniyami.html>. – Дата доступа: 23.09.2021.

Мирзаев Дж.З.
**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
И РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ**

Ключевые слова: Центральная Азия, нация, идентичность, реинтерпретация, история.

В ходе исторического развития человечества межэтнические отношения всегда играли важную роль, оказывая влияние на ход политических и социально-экономических процессов. Эти отношения менялись во времени, различные эпохи накладывали на них свой неповторимый отпечаток. Но людям во все времена было свойственно стремление не рассматривать себя с точки зрения отдельного индивида, а создавать группы и побуждать их к взаимной поддержке. Одной из основных таких групп является сообщество людей, которые считают, что связаны между собой единством происхождения. В настоящее время, совершенно естественным является для нас то, что каждый человек принадлежит к какой-либо нации и этот факт является неотъемлемым элементом идентичности. Однако, принадлежность к группе, которую мы сегодня обозначаем «нацией», является относительно новым явлением в истории.

До сегодняшнего дня в Центральной Азии сохранились остатки самосознания, характерного для более ранних исторических периодов, например, идентичность, основанное на принадлежности к семейно-клановым сообществам. Но в современных условиях среди различных проявлений идентичности, характерных для Центральной Азии, приоритетной остается этническая самоидентификация. Для Центральной Азии внедрение понятие «нация» стало колониальной инновацией, привнесенной из Европы, социокультурной моделью, получившей легитимацию в советский